Межкультурные отношения на постсоветском пространстве

Москва
2017

ББК 60.6
М43

Данная монография подготовлена по результатам проекта РНФ «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029).

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ *М.Ю. Мартынова*;
доктор психологических наук, профессор *Т.Г. Стефаненко*

М43 Межкультурные отношения на постсоветском пространстве. Монография под ред. Н.М. Лебедевой. — М.: Изд-во «Менеджер», 2017. — 492 с.

ISBN 978-5-8346-0349-8

В монографии представлены результаты научных исследований сотрудников Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ по проекту Российского научного фонда «Эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России в контексте мирового опыта» (№15-18-00029). Эмпирические исследования межкультурных отношений в русле трех гипотез, предложенных Д. Берри (гипотезы мультикультурализма, контакта и интеграции), были проведены коллективом авторов в центральной России (включая Москву), на Северном Кавказе (Кабардино-Балкарская республика, республика Северная Осетия – Алания, республика Дагестан), а также в Латвии, Литве и Азербайджане. Результаты исследований показали применимость данных трех гипотез для анализа межкультурных отношений на постсоветском пространстве и высветили важную роль социокультурного контекста и межкультурной политики для гармонизации межэтнических отношений в разных странах и регионах. В заключении авторы приводят ряд практических рекомендаций, основанных на результатах научных исследований.

Книга предназначена для психологов, социологов, этнологов, органов образования и национальной политики.

ISBN 978-5-8346-0349-8

© Коллектив авторов, 2017
© Оформление. Издательство «Менеджер», 2017

Содержание

Введение 5

Глава 1. Взаимоотношения этнических групп в поликультурных обществах. *Джон У. Берри* ... 29

Раздел I. Межкультурные отношения в центральной России 55

Глава 2. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России. *Т. Рябиченко, Н. Лебедева* 57

Глава 3. Межгрупповые установки принимающего населения и дискриминация мигрантов в России. *Д. Григорьев* 82

Глава 4. Психологическая адаптация москвичей к культурному многообразию: опыт качественного исследования. *Н. Лебедева, Д. Зубова* 121

Раздел II. Межкультурные отношения на Северном Кавказе 155

Глава 5. Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике. *З. Лепшокова* 156

Глава 6. Межкультурные отношения в Северной Осетии — Алании. *В. Галяпина* 186

Глава 7. Межэтнические отношения в современном Дагестане. *В. Галяпина, З. Лепшокова* 212

Глава 8. Социальный капитал, стратегии межкультурного взаимодействия и психологическое благополучие этнических групп Дагестана. *А. Татарко* 240

Глава 9. Роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов во взаимодействии народов Дагестана. *З. Лепшокова* 276

Раздел III. Межкультурные отношения в Латвии, Литве и Азербайджане..... 299

Глава 10. Межкультурные отношения латышей и русских в постсоветской Латвии. *Н. Лебедева, А. Татарко* 301

Глава 11. Русские в литовском контексте: проверка трех гипотез межкультурных отношений. *Т. Рябиченко* 324

Глава 12. Ценности и межкультурные установки русских Литвы. Особенности поколений. *Т. Рябиченко, Н. Лебедева* 342

Глава 13. Межкультурные отношения между азербайджанцами и русскими в постсоветском Азербайджане. *В. Галяпина, Н. Лебедева* 363

Заключение..... 381

Глава 14. Проверка трех гипотез межкультурного взаимодействия в России и на постсоветском пространстве: мета-анализ. *Н. Лебедева, А. Татарко* 383

Глава 15. Рекомендации по улучшению межэтнических отношений в Российской Федерации..... 413

Список литературы 425

Приложение (примеры опросников) 464

Abstracts 480

Об авторах 490

Глава 10 Межкультурные отношения латышей и русских в постсоветской Латвии

Н. Лебедева, А. Татарко

В настоящем исследовании представлены результаты проверки трех гипотез межкультурных отношений (мультикультурализма, интеграции и контакта) в Латвии.

Латвию нельзя назвать этнически однородной страной. Отношения между доминирующей этнической группой (латыши) и другими этническими группами играют важную роль во внутренней политике Латвии (Apine, 2010). Этнические русские составляют вторую по величине этническую группу (26.0%) после самих латышей (61.4%) (The population of Latvia..., 2014). До распада СССР русские в Латвии составляли этническое большинство, но после этого они сразу стали этническим меньшинством.

Современные европейские стандарты демократии требуют от Латвии обеспечения равных прав как для доминирующей этнической группы, так и для этнических меньшинств, когда дело доходит до участия в политической жизни. Официальная политика Латвии в отношении этнических меньшинств — это интеграция при сохранении культурной и этнической идентичности (Integration politics in Latvia.., 2014). В Латвии этническими меньшинствами официально считаются граждане Латвии, которые отличаются от этнических латышей культурой, религией или языком, и которые традиционно жили в Латвии в

течение длительного времени и считают себя частью латвийского государства и общества. Люди, не являющиеся гражданами Латвии, не считаются представителями этнических меньшинств, но они пользуются теми же правами, как и этнические меньшинства, за исключением некоторых ограничений. По состоянию на 9 сентября 2016 года насчитывалось 247104 негражданина, проживающих в Латвии (12% от общего населения Латвии), по данным Министерства иностранных дел (Naturalisation, 2016). Для сравнения, граждане бывшего СССР, проживающие в России, после его распада получили автоматически российское гражданство.

Основное различие в правах заключается в том, что неграждане не могут голосовать или быть избранными, и не могут занимать государственные должности или должности, связанные с национальной безопасностью. 22 июля 1994 был принят официальный закон «О гражданстве», в котором описана процедура натурализации, начавшаяся в 1995 году. Натурализация — это процесс, в котором претенденту на гражданство присваивается латвийское гражданство после сдачи экзаменов по латышскому языку и истории Латвии, и принесения присяги Латвийской Республике. Но в реальности этот процесс представляет собой скорее ассимиляцию, чем интеграцию, поскольку целью подобной натурализации является постепенное изъятие русского языка из повседневного общения. Язык — одна из самых крепких связей людей с их культурой.

Второй шаг в проведении политики ассимиляции в отношении русских меньшинств в Латвии имеет свои корни в системе образования. В 1998 году вышел новый Образовательный закон (вступил в

силу с 10 июня 1999 года), что оказало значительное влияние на образование национальных меньшинств в Латвии (Educational law, 1998). До 1999 года обучение в школах этнических меньшинств велось на родном языке (т. е. в русских школах дети обучались на русском языке), и государственный язык (латышский) преподавался также в качестве специальной дисциплины. До этого времени в Латвии были и «латышские», и «русские» школы. Этот закон ввел новый термин: «школа с использованием национальных образовательных программ этнических меньшинств». Принятие нового закона об образовании означало, что некоторые предметы в школах национальных меньшинств теперь будут преподаваться на латышском языке. Педагоги разработали четыре модели билингвального образования, и предложили каждой школе вместе с родителями возможность выбрать наиболее подходящую. Эти модели отличаются, главным образом, числом предметов, преподаваемых на родном и латышском языках. В 2004 году законодатели добавили поправки к закону об образовании, согласно которым с 1 сентября 2004 года среднее образование в национальных школах должно было быть только на государственном (латышском) языке. Закон затронул все предметы, кроме родного языка и литературы. Эта реформа образовательной системы вызвала волну демонстраций протеста (Воронцов, 2010).

Таким образом, русский язык постепенно становился все менее актуальным в образовании и оказался вытесненным из всех государственных учреждений. Справедливости ради следует отметить, что русское население все же смогло сохранить свою культуру в отдельных сферах повседневной жизни. Например,

есть местное ТВ и радиоканалы, которые вещают исключительно на русском языке, а также СМИ, включая газеты и журналы, издающиеся на русском языке. Регионы также имеют доступ к местной печати, издающейся исключительно на русском языке. Некоторые из этих телеканалов и СМИ, которые используют русский язык, импортированы непосредственно из самой России. Различные культурные мероприятия также иногда проводятся на русском языке (если они организованы неправительственными организациями национальных меньшинств). Кроме того, некоторые театры ставят спектакли только на русском языке, и даже кинотеатры предлагают субтитры на латышском и русском языках. Существует много различных неправительственных организаций национальных меньшинств в Латвии, но русская культура и язык, тем не менее, постепенно вытесняются из повседневной жизни. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на заявленную политику интеграции, Латвия фактически осуществляет постепенную политику ассимиляции в отношении этнических меньшинств.

Как уже отмечалось, в данном исследовании мы решили проверить справедливость трех гипотез межкультурного взаимодействия в контексте Латвии, который, судя по проводимой в отношении этнических меньшинств политике, характеризуется ориентацией на ассимиляцию.

Наши исследовательские гипотезы основаны на трех теоретических положениях Дж. Берри относительно межэтнических отношений в поликультурных обществах (Berry, 2013). Первая, *гипотеза мультикультурализма*, увязывает сохранение культуры с позитивными межкультурными отношения-

ми. Согласно этой гипотезе, когда люди не ощущают угрозы своей культуре и идентичности, они готовы принимать тех, кто отличен от них. Эта гипотеза вытекает из положения Канадской политики мультикультурализма о том, что уверенность в сохранении своей культурной и личной идентичности ведет к улучшению межкультурных отношений, включая готовность к межкультурным контактам, уважение «иных» и снижение дискриминации. И наоборот, ощущение угрозы ведет к формированию предубеждений и росту дискриминации (Stephan et al., 2005). Многочисленные эмпирические исследования подтвердили справедливость этой гипотезы в разных странах (Berry, Kalin, 2000; Berry, Kalin, Taylor, 1977; Kruusvall, Vetik, Berry, 2009; Ward, Masgoret, 2008). В наших предыдущих исследованиях взаимных установок русских москвичей и мигрантов с Северного Кавказа и Закавказья ощущение культурной безопасности способствовало толерантности, интеграции и установкам на социальное равенство в обеих группах, правда у большинства (москвичей) — в меньшей степени (Lebedeva, Tatarko, 2013).

Вторая теоретическая гипотеза — это *гипотеза контакта*. Согласно этой гипотезе, межкультурный контакт и взаимодействие способствуют взаимному принятию при определенных условиях, прежде всего — равенства (Allport, 1954). В национальных опросах в Канаде Калин и Берри (Kalin, Berry, 1982) обнаружили подтверждение этой гипотезы, особенно при контроле статуса групп. Pettigrew и Tropp (2006, 2008) провели мета-анализ многочисленных исследований проверки гипотезы контакта в разных странах и в разнообразных контекстах (школа, работа, а также в экспериментальных ситуациях). Его

результаты в целом подтвердили гипотезу контакта: межгрупповой контакт негативно связан с предубеждениями как в доминирующих, так и в недоминирующих группах.

Третья гипотеза — *гипотеза интеграции*. Эта гипотеза предполагает, что, когда индивиды и группы включены в жизнь принимающего общества и одновременно не теряют связи со своей культурой, они будут достигать большего успеха в жизни, в том числе обладать более высокой социокультурной компетентностью, субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью. В исследованиях, посвященных межкультурным отношениям и аккультурации, установлено, что стратегия интеграции чаще всего вела к лучшей адаптации мигрантов по сравнению с другими стратегиями (Berry, 1997). Возможное тому объяснение может быть следующим: люди, имеющие «двойные связи» (с собственной культурой и культурой принимающего общества), получают поддержку и ресурсы от двух культур, а также они компетентны во взаимодействии с членами обеих культур. Социальный капитал, приобретаемый благодаря таким множественным социальным и культурным связям, дает возможность достичь успеха, пользуясь ресурсами различных сообществ и групп. Результаты, подтверждающие связь интеграции с более успешной адаптацией, были также получены в других эмпирических исследованиях (Berry, Sabatier, 2010). Мета-анализ 83 исследований, в которых приняли участие более 20000 человек, показал, что интеграция («бикультурализм») имеет значимую и позитивную связь как с психологической адаптацией (например, удовлетворенностью жизнью, позитивным настроением, самооценкой), так и социокультурной

адаптацией (например, успехами в учебе, успехом в карьере, социальными навыками, отсутствием поведенческих проблем) (Nguyen, Benet-Martínez, 2013).

Идеи, лежащие в основе трех вышеуказанных гипотез межкультурного взаимодействия, способны облегчить достижение главной цели политики мультикультурализма: улучшение межкультурных отношений в полиэтничных обществах. Соответственно, основная цель нашего исследования: проверка и оценка применимости этих трех гипотез в контексте Латвии.

Гипотезы эмпирического исследования.

1 (а,б). Гипотеза мультикультурализма: чем в большей степени у индивида выражено чувство безопасности, тем выше уровень его готовности принимать тех, кто отличается по своим этнокультурным характеристикам, а именно: чем выше уровень воспринимаемой безопасности, тем в большей степени выражены поддержка мультикультурной идеологии и этническая толерантность (как у меньшинств, так и у членов принимающего общества).

2. Гипотеза контакта: межкультурные контакты и обмен обеспечивают взаимное принятие (особенно при наличии равенства), а именно:

2а. Чем выше частота дружеских контактов с представителями принимающего общества среди иммигрантов/ этнических меньшинств, тем выше их предпочтение стратегий «Ассимиляция», «Интеграция» и их этническая толерантность.

2б. Чем выше частота дружеских контактов членов принимающего общества с иммигрантами/ этническими меньшинствами, тем выше уровень

выраженности у них аккультурационных ожиданий «Интеграция» и «Ассимиляция» и выше уровень этнической толерантности.

3. Гипотеза интеграции: те, кто предпочитают стратегию интеграции, характеризуются более успешной психологической и социокультурной адаптацией, а именно:

3а. Чем выше предпочтение аккультурационной стратегии «Интеграция» у иммигрантов/этнических меньшинств, тем выше уровень их удовлетворенности жизнью и социокультурной адаптации.

3б. Чем выше предпочтение аккультурационного ожидания «Мультикультурализм» у членов принимающего общества, тем выше уровень их удовлетворенности жизнью.

Метод

Участники

Выборка (г. Рига) включала 699 взрослых респондентов: латышей ($N = 363$) и этнических русских ($N = 336$), более подробные социально-демографические характеристики выборки представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики выборки

Группы	N	Возраст		Пол
		M	SD	Мужчины (%)
Латыши (Рига)	363	42.6	20.7	12,1
Этнические русские (Рига)	336	42.8	21.5	14

Методики исследования.

В исследовании использовался опросник, созданный в рамках проекта *Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS)* или «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах». Опросник для Латвии был переведен на латышский язык нашей коллегой И. Плоткой. В процессе исследования респонденты отвечали на вопросы анкеты, используя 5-балльную шкалу ответов: от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен».

Опросник включал следующие шкалы.

Шкала воспринимаемой безопасности. Данный показатель подсчитывался как среднее значение согласия респондента с тремя утверждениями. Пример утверждения: «Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне» (культурная безопасность, обратный вопрос).

Межкультурные контакты. Межкультурные контакты оценивались параллельными вопросами, которые задавались мигрантам (меньшинствам) и членам принимающего общества. Вопросы для мигрантов: «Сколько у Вас близких друзей — русских?» (варианты ответов: 1 — Ни одного; 2 — Только один; 3 — Мало; 4 — Несколько; 5 — Много); «Как часто Вы встречаетесь со своими близкими друзьями — русскими?» (1 — Никогда; 2 — Редко; 3 — Иногда; 4 — Часто; 5 — Каждый день). Членам доминирующей группы (русским) задавались аналогичные вопросы об их друзьях из других этнических групп и о частоте контактов с ними.

Стратегии аккультурации и аккультурационные ожидания. В данном исследовании оценивались две аккультурационные стратегии русских (которые являются этническим меньшинством в Латвии) —

интеграция и ассимиляция. У представителей этнического большинства — латышей — оценивались соответствующие аккультурационные ожидания — интеграция и ассимиляция.

Мультикультурная идеология. Данный конструкт направлен на выявление степени поддержки мультикультурализма как идеологии и практики. Он оценивался также с помощью 4 вопросов, таких как: «Мы должны помогать этническим и расовым меньшинствам сохранять их культурное наследие в России» (прямой вопрос); «Если представители разных этнических или культурных групп желают сохранять свою культуру, им следует ее сохранять для себя» (обратный вопрос).

Этническая толерантность. Данная шкала имеет 4 вопроса, например: «Хорошо, когда люди разных рас и национальностей живут в одной стране».

Удовлетворенность жизнью.[1] Шкала включает 5 вопросов, например: «Я могу многое делать так же

[1] Мы не использовали шкалу социокультурной адаптации в качестве зависимой переменной при тестировании гипотезы интеграции в этом исследовании, хотя в наших предыдущих исследованиях в Латвии и России эта методика использовалась (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016 a,b). Взаимосвязи предпочтений интеграции с социокультурной адаптацией были значимы в группах мигрантов и незначимы в группах этнических меньшинств. Дело в том, что русские, поживающие в Латвии на протяжении нескольких поколений, довольно хорошо знакомы с культурой этой страны и имеют высокую социокультурную адаптацию. Таким образом, в данном исследовании мы сосредоточили внимание главным образом на психологической адаптации (самоуважение и удовлетворенность жизнью), которая представляет собой более точный индикатор психологического состояния и качества жизни представителей этнических меньшинств.

хорошо, как и большинство других людей» (Diener, Emmons, Larson, Griffin, 1985).

Шкала самоуважения Розенберга (RSES). Шкала включает 10 пунктов и позволяет получить обобщенный показатель самооценки индивида (Rosenberg, 1965).

Демографические переменные. В дополнение к методикам, направленным на оценку изучаемых психологических конструктов, мы использовали ряд вопросов, направленных на оценку демографических характеристик респондентов — пол, возраст, уровень образования. Эти вопросы использовались во всех выборках.

Процедура

Опрос проводился нашими коллегами с использованием техники "снежного кома". Коллеги опрашивали студентов-русских и студентов-латышей и просили их провести аналогичный опрос среди знакомых, друзей, коллег, являющихся этническими латышами и русскими, а также среди родственников. Русские опрашивались на русском языке, латыши — на латышском.

Обработка данных. Для проверки трех гипотез, было использовано моделирование структурными уравнениями (*SEM*) с помощью программы *AMOS* версии 20.0 (Arbuckle, 2011). В процессе обработки данных мы строили отдельные модели для каждой из четырех выборок.

Результаты

Описательные статистики всех переменных исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2

Описательные статистики и значения t-критерия

	M; SD		t
	русские Латвии	латыши	
SEC	2.70; 0.66	2.69; 0.66	-.48
IC	3.65; 0.96	3.63; 0.95	.26
MI	3.52; 0.81	3.36; 0.65	2.8**
INT	4.34; 0.64	4.33; 0.63	.08
AS	2.11; 0.74	2.09; 0.73	.40
TOL	3.73; 0.92	3.48; 0.83	3.7***
LS	3.23; 0.89	3.15; 0.77	.07
S-Est	4.05; 0.74	3.97; 0.58	.13

Примечание. *p < .05; **p < .01; ***p < .001.

SEC, Безопасность; IC, Межкультурные контакты; MI, Мультикультурная идеология; INT, Интеграция; AS, Ассимиляция; TOL, Этническая толерантность; SCA, социокультурная адаптация; LS, Удовлетворенность жизнью; S-Est, Самоуважение.

Подсчет описательных статистик и оценка значимости различий показывает, что показатели межкультурного взаимодействия в обеих группах отличаются мало.

Обе группы (русские Латвии и латыши) имеют серединные значения по показателю воспринимаемой безопасности. Эти показатели относительно невысоки, это говорит о том, что представители обе-

их групп не чувствуют себя в достаточной безопасности.

Показатели интенсивности межкультурных контактов выше средних значений и не отличаются статистически значимо в обеих группах. Это говорит о том, что контакты между латышами и русскими характеризуются относительно высокой интенсивностью и их частота одинакова с обеих сторон.

Что касается предпочитаемых аккультурационных стратегий/ожиданий, то обе группы в высокой степени предпочитают интеграцию и значительно меньше — ассимиляцию. При этом, статистически значимых различий в аккультурационных стратегиях/ожиданиях между русскими Латвии и латышами не обнаружено.

Также мы не обнаружили статистически значимых различий по показателям психологической адаптации — удовлетворенности жизнью и самоуважению. Они выше срединных значений шкалы (2,5 балла) в обеих группах (см. табл. 2)

Статистически значимые различия обнаружены только по двум показателям: по установке на поддержку мультикультурной идеологии и показателю этнической толерантности. Оба эти показателя выше у русских Латвии.

Далее мы протестировали все три гипотезы межкультурных отношений при помощи путевого анализа. Тестируемая модель, на которой проверяются все три гипотезы, представлена на рис. 1. Фактически связей было получено больше, чем мы изначально предполагали. Вся картина связей между переменными представлена в таблице 3.

Рис 1. Тестируемая модель.

В таблице 3 представлены результаты моделирования для выборок русских и латышей в Латвии. Данные для обеих выборок представлены в ячейках одной таблицы через слеш.

Таблица 3

Стандартизированные прямые регрессионные эффекты и корреляции (русские в Латвии / латыши)

Предикторы	IC	MI	TOL	AS	INT	S-Est	LS
SEC	*.07*/ *-.18***	.05/ .21***	-.08/ .28***	.13*/ -.11**	.00/ .11**	.00/.00	.00/.00
IC	-	.00/.00	.03/.06	.22***/ .00	.25***/ .07	.00/.00	-.04*/ .00
MI	.00/00	-	*.35***/ .20***	*-.15***/ -.14***	*.29***/ .27***	.12*/.00	.11*/ -.07
TOL	.03/.06	*.35***/ .20***	-	*-.36***/ -.29***	*.26***/ .10***	.00/.02	

INT	.25***/ .07	*.29***/ .27***	*.26*** 10***	*-.25***/ -.21***	-	.08/.14*	-.09/.00
ASS	.22***/ .00	*-.15***/ -.14***	*-.36***/ .29***	-	*-.25***/ .21***	-42***/ -.19***	.10/.00
R^2	-	< .01/.05	< .01/.07	.07/.01	.07/02	.23/.07	.02/.02

Примечание: *p < .05; **p < .01; ***p < .001. Корреляции представлены курсивом

SEC, Безопасность; IC, Межкультурные контакты; MI, Мультикультурная идеология; INT, Интеграция; AS, Ассимиляция; TOL, Этническая толерантность; SCA, Социокультурная адаптация; LS, Удовлетворенность жизнью; S-Est, Самоуважение.

Рассматриваемые модели имеют приемлемые статистические показатели для обеих выборок (для русских: $\chi^2/df=2.2$; CFI=.97; RMSEA=.06; PCLOSE=.27; и для латышей: $\chi^2/df=2.6$; CFI=.98; RMSEA=.06; PCLOSE=.21).

Процент дисперсии, объясняемой демографическими характеристиками (пол и возраст) очень мал (1–3%). Таким образом, мы можем сказать, что пол и возраст не имеют для данной модели принципиальных значений. Далее рассмотрим основные результаты моделирования для обеих выборок.

Гипотеза мультикультурализма. Воспринимаемая безопасность положительно и статистически значимо предсказывает этническую толерантность ($\beta=.28$, $p<.001$) и мультикультурную идеологию ($\beta=.21$, $p<.001$) в выборке латышей, но она не оказывает существенного влияния на этническую толерантность и мультикультурную идеологию в выборке русских Латвии. Таким образом, гипотеза мульти-

культурализма была доказана на выборке латышей, но не получила подтверждения на выборке русских Латвии.

Гипотеза контакта. Межкультурные контакты значимо и позитивно предсказывают стратегию интеграции ($\beta = .25$, $p < .001$) русских в Латвии, но не оказывают существенного влияния на их этническую толерантность. В выборке латышей межкультурные контакты не связаны ни с толерантностью, ни с аккультурационным ожиданием «интеграция». Таким образом, гипотеза контакта была частично подтверждена в выборке русских Латвии, и не получила подтверждения среди латышей.

Гипотеза интеграции. Предпочтение стратегии интеграции русскими Латвии не имело статистически значимой связи с показателями психологической адаптации. Аккультурационное ожидание «интеграция» в выборке латышей продемонстрировало статистически значимую сильную позитивную связь с их самоуважением ($\beta = .14$, $p < .05$), но не оказало статистически значимого влияния на их удовлетворенность жизнью. Таким образом, гипотеза интеграции была частично доказана на выборке латышей и не доказана на выборке русских.

Кроме того, были получены дополнительные результаты, касающиеся роли ассимиляции во взаимной аккультурации русских в Латвии и латышей. Воспринимаемая безопасность имела статистически значимую позитивную связь с предпочтением ассимиляции в выборке русских Латвии ($\beta = .13$, $p < .05$) и значимую негативную связь с соответствующим аккультурационным ожиданием в выборке латышей ($\beta = -.13$, $p < .05$). Кроме того, межкультурные контакты русских Латвии с латышами также оказывают

существенное положительное влияние на их предпочтение ассимиляции ($\beta = .22$, $p < .001$). Но в то же время межкультурные контакты латышей с русскими не имели значимой связи с аккультурационным ожиданием «ассимиляция» в выборке латышей. Предпочтение ассимиляции имело статистически значимые негативные связи с самоуважением русских Латвии ($\beta = -.42$, $p < .001$), а также латышей ($\beta = -.19$, $p < .05$).

Кроме того, важно отметить, что мы обнаружили статистически значимую отрицательную корреляцию между межкультурными контактами и воспринимаемой безопасностью в выборке латышей ($p = -18$; $p < .01$). Это позволяет предположить, что увеличение числа межкультурных контактов латышей сопряжено со снижением их воспринимаемой безопасности или наоборот.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании мы проверяли взаимные межкультурные отношения русского этнического меньшинства и доминирующего населения в Латвии, используя три гипотезы межкультурных отношений: мультикультурализма, контакта и интеграции.

Согласно первой гипотезе (мультикультурализма), чем сильнее ощущение безопасности, тем больше выражены: поддержка мультикультурной идеологии и этническая толерантность (как для групп меньшинств, так и для членов доминирующего общества). Подтверждение этой гипотезе мы нашли только в группе большинства: в выборке латышей ощущение безопасности позитивно связано с более высоким уровнем этнической толерантности и с поддержкой мультикультурной идеологии. Таким обра-

зом, результаты исследования полностью подтверждают гипотезу мультикультурализма у этнического большинства в Латвии.

Гипотеза контакта постулирует положительное влияние дружеских межкультурных контактов на принятие «культурно иных». У русских Латвии дружеские контакты с латышами положительно и статистически значимо связаны с их аккультурационными стратегиями интеграции и ассимиляции. В то же время у латышей в Риге их межкультурные дружеские контакты статистически значимо не связаны с их аккультурационными ожиданиями или уровнем их этнической толерантности. Таким образом, в Латвии гипотеза контакта частично подтверждается только в группе меньшинства.

Согласно гипотезе интеграции, предпочтение стратегии интеграции способствует лучшей психологической адаптации. В нашем исследовании мы обнаружили только частичное подтверждение этой гипотезы — позитивную связь аккультурационного ожидания «интеграция» с самоуважением в группе латышей. В группе этнического меньшинства — русских — аналогичной связи обнаружено не было. Таким образом, гипотеза интеграции в Латвии подтверждена частично в выборке этнического большинства.

Таким образом, гипотеза мультикультурализма подтвердилась только в выборке латышей, гипотеза контакта — только в выборке русских Латвии, а гипотеза интеграции — частично в выборке латышей.

Почему гипотезы межкультурного взаимодействия относительно слабо подтверждаются в контексте Латвии? Полученные результаты требуют дополнительного анализа социально-политического

и исторического контекста в Латвии для того, чтобы понять психологические последствия взаимной аккультурации русского меньшинства и латышского большинства. Некоторые параллели в предыдущих исследованиях по межнациональным отношениям в Эстонии могли бы пролить свет на наши результаты. Согласно Берри (Berry, 1997), политика интеграции в эстонском варианте включает в себя только участие в жизни доминирующего общества; при этом поддержание культуры этнических меньшинств не предполагается. Таким образом, политическая терминология интеграции гораздо ближе по смыслу к аккультурационному ожиданию ассимиляции. Если аналогичные процессы протекают и в Латвии, то гипотезы мультикультурализма и интеграции теряют смысл. Адаптации русских как меньшинства будут способствовать только позитивные личные контакты с этническим большинством (что мы и видим по итогам исследования). Этнически-ориентированная модель национального государства приравнивает интеграцию к принудительной ассимиляции, и поскольку в большинстве своем русские Эстонии не хотят ассимилироваться, предлагаемая им интеграция для них означает «что-то, чего нужно избежать». Таким образом, сам термин «интеграция» имеет негативный смысл для этнических русских (Kruusvall et al., 2009). Аналогичным образом могут быть описаны латвийский контекст и политика: больше как поощрение ассимиляции, чем интеграции, несмотря на противоположную формулировку. Эта политика объясняет, почему «интеграция» по-латвийски не способствует положительным исходам адаптации для каждой из групп в Латвии.

Во-вторых, ощущение безопасности и частота межкультурных дружеских контактов имели значимую отрицательную связь у латышей (см. табл. 3), т.е. наличие межкультурных контактов может способствовать снижению субъективной безопасности латышей в Латвии. Впрочем, может быть и наоборот: низкий уровень безопасности препятствует межкультурным контактам. В любом случае, эта отрицательная связь говорит нам, что для латышей контакты с русскими в той или иной мере сопряжены со снижением безопасности.

Основной вопрос заключается в том, являются ли межкультурные контакты между латышами и русскими угрозой их безопасности? Есть ли положительные последствия частых дружеских контактов? Конечно есть. Они способствуют интеграции и ассимиляции русских в Латвии. Таким образом, вырисовываются основные направления роста национальной интеграции в Латвии: способствовать развитию дружеских межкультурных контактов между латышами и русскими, одновременно способствуя ощущению культурной безопасности (и уменьшению ощущения угрозы) в группе латышей и интеграции, а также ассимиляции русских.

Обратим внимание на то, что у русских Латвии помимо позитивной связи межкультурных дружеских контактов со стратегией «интеграция», наблюдается также позитивная связь со стратегией «ассимиляция». Эта связь позволяет высказать предположение, что специфика контекста межкультурного взаимодействия для русских в Латвии такова, что частые межкультурные контакты с латышами могут быть сопряжены не только с интеграцией (при которой сохраняется этническая культура меньшинств),

но и с ассимиляцией (при которой этническая культура меньшинств утрачивается). Это первый момент, в котором проявляет себя ассимиляционистский контекст межкультурного взаимодействия в Латвии. С нашей точки зрения, эта особенность контекста оказывает влияние на то, как складываются межкультурные отношения в Латвии, особенно между русскими и латышами. Хотя официально в Латвии декларируется политика интеграции (Integration politics in Latvia..., 2014; Permanent Mission of the Republic of Latvia..., 2016), фактически реализуется политика ассимиляции (Kronenfeld, 2002, p. 2), которая проявляется в частности в последовательном вытеснении русского языка из повседневной жизни, а, как известно, язык — это стержень этнической культуры. При утрате языка этническая группа фактически теряет связующую нить со всеми пластами своей культуры, т.е. ассимилируется. С нашей точки зрения именно ассимиляционистский контекст является причиной того, что гипотеза интеграции не подтверждается в выборке русских Латвии и только частично — в выборке латышей.

Также в Латвии на выборке этнического меньшинства (русские) не была подтверждена гипотеза мультикультурализма, в которой предиктором мультикультурализма является воспринимаемая безопасность. С нашей точки зрения, воспринимаемая угроза (или низкая безопасность) является еще одной существенной характеристикой контекста межкультурного взаимодействия в Латвии.

Эксперты оценивают межэтнические отношения в Латвии как потенциально конфликтные (Родин, 2013), а это означает, что воспринимаемая безопасность у населения будет невысокой. На низкую

безопасность, как характеристику контекста межкультурного взаимодействия в Латвии, косвенно указывает отрицательная связь этнических контактов и воспринимаемой безопасности у русских.

В целом, мы считаем, что ключевыми условиями позитивных межкультурных отношений в Латвии (как и повсюду) являются наличие чувства безопасности, дружеских межкультурных контактов и поддержка мультикультурализма доминирующим большинством, как на уровне установок населения, так и на уровне государственной политики.

Заключение

В рамках настоящего исследования, проведенного в Латвии (Рига), мы оценивали справедливость трех гипотез межкультурного взаимодействия для этнического большинства (латышей) и меньшинства, которое представляет собой вторую по численности этническую группу Латвии (русских). Гипотеза мультикультурализма подтвердилась только в выборке латышей, гипотеза контакта — только в выборке русских Латвии, а гипотеза интеграции — частично в выборке латышей. Таким образом, ни одна гипотеза не была подтверждена сразу в обеих выборках. Мы предполагаем, что причина этого — особый контекст межкультурных отношений в Латвии. В данном контексте, наряду с официально провозглашаемой политикой мультикультурализма и интеграции, фактически проводится политика ассимиляции этнических меньшинств и в большей мере это касается русских. Соответственно гипотезы мультикультурализма и интеграции абсолютно «не работают» в выборке русских. Таким образом, инте-

грироваться русским позволяет не столько политика государства, сколько личные контакты с латышами (гипотеза контакта подтверждена в выборке русских Латвии). У латышей же, напротив, гипотеза контакта не получила подтверждения, и, более того, частота контактов с русскими отрицательно связана с воспринимаемой безопасностью, то есть, латыши, скорее всего, стремятся к избеганию взаимодействия с русскими.

В заключительной главе к данной монографии мы проанализируем роль контекста Латвии при поддержке гипотез межкультурного взаимодействия в сопоставлении с контекстами других постсоветских республик России.